
18+
ХОШИМИ ВАНДЕР
Сердце Гончей

Хошими Вандер
Сердце Гончей

https://litres.ru/74900113
ISBN 9785007166003

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались, что будет, если отчаянная пиратка, проклятая на смерть, вместо поисков любви решит просто… оторваться по полной на оставшиеся годы?

Знакомьтесь: капитан Элира «Буря» Скорн. Ей осталось 5 лет. Её спасение — бескорыстно отдать своё сердце. Её ответ — бочка рома, гром пушек и верная команда таких же отбросов, как она сама.

Но проклятие не шутка. И когда счёт пойдёт на дни, а тело начнёт сдаваться, окажется, что спасение может прийти оттуда, откуда его совсем не ждёшь.

Содержание

Глава 1. Пять лет до ада, вечность в бочке с ромом 5
Глава 2. Шрам на душе и рана на карте 12
Глава 3. Танец на краю пропасти 18
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Сердце Гончей

Хошими Вандер

© Хошими Вандер, 2026

ISBN 978-5-0071-6600-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пять лет до ада, вечность в бочке с ромом

Соль въелась в кожу, в волосы, в самую душу. Она была не просто налётом на губах и щеках; она кристаллизовалась в морщинках у глаз, проступала на потертом кожаном жилете, скрипела на зубах. Капитан Элира «Буря» Скорн дышала ею, жила ею. Ей принадлежал не только её корабль, «Призрачная Гончая», скользящий по волнам с яростью загнанного зверя, но и само море, насколько хватало глаз. По крайней мере, так она всем говорила. Это была удобная ложь, как и многие другие, что она носила с собой, словно пистоли за поясом.

В её каюте, выдолбленной из упрямого дуба и увешанной картами сомнительной точности и заляпанными кровью наградными листами, пахло густой, почти осязаемой смесью рома, пороха и старой меди. Пахло добычей и смертью. Слюдяное окно, мутное и покрытое паутиной трещин, пропускало косые лучи заходящего солнца, которые выхватывали из полумрака пыльные кружки, забытые пули и изящную шкатулку из тёмного, почти чёрного дерева, стоявшую на столе, что был намертво прибит к полу для устойчивости в шторм. Её поверхность была испещрена странными, извивающимися рунами, которые, казалось, не отражали, а пожирали свет, создавая вокруг себя ореол неестественной тени.

Элира с отвращением, в котором сквозила давно приевшаяся ярость, ткнула в шкатулку обугленным кончиком кинжала. Металл звякнул о дерево, но звук был глухим, словно доносящимся из-под толщи воды.

— Пять лет, — прошипела она, и её голос, обычно звонкий и полный насмешки, сейчас был похож на скрежет камней на дне высохшего колодца. — Жалкая цена за величайшее сокровище Кровавого Залива. За горсть пепла.

Пять лет назад она, тогда ещё молодая, дерзкая и ослеплённая алчностью авантюристка, нашла эту шкатулку в гробнице Древнего Моряка. Легенды, которые она считала сказками для запугивания юнг, гласили, что внутри хранилось сердце самого морского дьявола, источник его силы. Внутри не оказалось ни сердца, ни сокровищ. Лишь горстка чёрного, неотражающего песка и всепоглощающая, живая тьма, которая накинулась на неё, как удав, впиваясь в сознание. Проклятие. Голос, холодный, как океанские глубины, и безжалостный, как рифы во время шторма, объяснил правила: пять лет жизни, наполненных силой и удачей, и в конце — мучительная смерть, после которой её душа станет частью этой тьмы. Единственный выход — разорвать цепь эгоизма. Отдать своё сердце другому, ничего не потребовав взамен. Совершить акт истинной, бескорыстной любви.

Любовь? Самопожертвование? Элира фыркнула, откинувшись на массивную спинку дубового кресла. Сентиментальный бред для слабаков и святош. Мир был грандиозным

пиром, где каждый сам за себя, и она, получив свою тарелку, собиралась упиться им до самого дна, до последней крошки и капли.

Дверь в каюту со скрипом, похожим на предсмертный хрип, открылась, впустив гигантскую тень и запах пота, смолы и солёного ветра. Боцман Гора, мужчина с телом, сложенным из гранита и мышц, и лицом, не раз побывавшим на встрече с кулаком и якорем, скрестил руки на груди, отчего его бицепсы напряглись, как канаты.

— Капитан. «Серебристый Карп» сдался почти без боя. Трюмы полны испанским золотом и шёлком цвета заката. Команда ждёт указаний.

Элира медленно подняла на него взгляд. Её глаза, цвета грозового неба перед самым ливнем, блестели лихорадочным, неестественным блеском. Не от жадности — сокровища её интересовали всё меньше. От чего-то другого. От жажды движения, скорости, от необходимости заглушить тиканье невидимых часов в её голове.

— Всё в трюмы, Гора. А потом — курс на Чёрные Скалы. Там нас ждёт бочка рома размером с этот корабль. Скажи этим уродам, что сегодня мы будем пить, пока не увидим двойные луны и розовых дельфинов!

Уголок рта Горы дёрнулся в подобии улыбки, что на его лице смотрелось опаснее, чем оскал.

— Они уже раскачивают шлюпки и затачивают ножи для танцев.

Когда он вышел, завалив за собой дверь, Элира снова повернулась к шкатулке. Пять лет. Целый год уже истёк, пронесшись в вихре абордажей, погонь и пьяных оргий в портовых тавернах. Четыре оставшихся пронесутся как один миг, если заполнить их до краёв азартом, звоном клинков, драками и тяжёлым, сладким дымом благовоний. Она не собиралась тратить свои последние дни на поиски какого-то спасителя, на слюнявые признания и самопожертвование. Её спасение было здесь, за этими стенами. В скрипе парусов, рвущихся от напора ветра, в похабных, но искренних песнях матросов, в солёном ветре, который бил в лицо, заставляя чувствовать себя живой.

Она решительно встряхнулась и поднялась на палубу. Ветер, этот вечный хулиган, тут же вырвал из её растрёпанной тёмной косы, перехваченной медной проволокой, несколько прядей и швырнул их ей в лицо. «Призрачная Гончая» была живым существом в её руках; она чувствовала, как могучий корпус корабля послушно рассекает волны, её паруса, прожжённые в десятках стычек и прошитые заплатами, были туго натянуты, словно крылья хищной птицы. Вокруг суетились её люди — сборная солянка из воров, убийц, беглых каторжников и обманутых мужей. Уроды. Отбросы общества. Но её уроды. Её семья.

Кто-то из молодых, румяный от возбуждения и предвкушения выпивки, поднес ей глиняную кружку с ромом. Элира взяла её, почувствовав знакомое жжение в пальцах, подня-

лась на возвышение у штурвала и крикнула, перекрывая гул ветра и натужный скрип такелажа:

— Эй, отбросы! Море, в своей бесконечной щедрости, дало нам золото, а небо — звёзды, чтобы не заблудиться по пути к самой крупной выпивке этого года! Вы знаете мой закон!

— Бей, грабь, веселись! — проревел в ответ хор из сотни прокуренных, хриплых глоток.

— И? — подзадорила она, вытянув вперед кружку.

— И чёрт с ним, с завтрашним днём!

Она осушила кружку одним долгим, жгучим махом и с размаху швырнула её за борт, в пенистые следы корабля.

— Верно! Завтра может и не быть. Но сегодня — есть! И сегодня мы будем пить за «Призрачную Гончую»! За наш единственный дом!

Экипаж взревел от восторга, подбрасывая в воздух потрёпанные треуголки. Элира сошла вниз, в самую гущу толпы, похлопывая матросов по спинам, поддразнивая их за промахи в недавней стычке, затевая пари на первую очередность у заветной бочки. Она была их сердцем. Их яростью. Их Бурей. Она была живым символом их вольной, хоть и короткой, жизни.

Позже, когда на небе вспыхнули первые, робкие звёзды и корабль превратился в плывущую, оглашаемую смехом и песнями таверну, Элира стояла у самого борта, цепко держась за отполированный временем и руками деревянный по-

ручень. Она смотрела на фосфоресцирующую дорожку, что лунный свет выписывал на чёрной воде. Рука сама потянулась к амулету на её шее — маленькому, грубо вырезанному из обломка мачты деревянному кругу, который много лет назад подарил ей умирающий от лихорадки юнга. Она тогда потратила целое состояние на снадобья, чтобы спасти того мальчишку, хоть это и было невыгодно, глупо и бессмысленно. Потом всё равно хоронила его, завернув в самый чистый парус. И ничего не потребовала взамен. Ничего.

Она с силой оттолкнулась от борта, словно отталкиваясь от этой слабой, сентиментальной части себя.

— Хватит этой дряни! — крикнула она, подходя к самому разгорячённому кругу пирующих, где уже шли шуточные потасовки. — Мои уши вянут от вашего пения! Кто посмеет обыграть своего капитана в ножевом бою? Ставка — три бочки лучшего, самого старого рома из трюмов «Карпа»!

В ответ взметнулся лес рук, полный шрамов и татуировок. Смех Элиры, хриплый и заразительный, потонул в общем одобрительном гуле. Вращая в пальцах свой верный кинжал, она поймала взгляд Горы. Тот стоял в стороне, в тени грот-мачты, и наблюдал за ней не с осуждением, а с тихой, неизбывной грустью, которая была тяжелее любого якоря. Он знал. Он был одним из немногих, кому она, в минуту слабости, под ромом и звёздами, рассказала о проклятии.

«Пусть думают, что я безрассудна, — пронеслось в голове у Элиры, пока она выбирала первого соперника. — Пусть

думают, что я безнравственна и жадна. Но эти четыре года принадлежат не проклятию. Они принадлежат мне. И им».

И пока «Призрачная Гончая», подхваченная попутным ветром, несла её по тёмным, безразличным водам в сторону нового рассвета, нового приключения, новой порции забвения, она отчаянно, яростно, из последних сил старалась не слышать тихий, настойчивый шепот в глубине сознания. Шёпот, что отсчитывал секунды, минуты, дни до того момента, когда веселье сменится болью, а ярость — отчаянием. До того дня, когда ей придётся прощаться.

Глава 2. Шрам на душе и рана на карте

Четыре года.

Эта цифра горела на внутренней стороне век каждый раз, когда Элира закрывала глаза, выжигая раскаленным клеймом. Четыре года, семь месяцев и… сколько там дней? Она давно перестала вести точный отсчёт, это было занятием для обреченных, а она до последнего вздоха оставалась капитаном. Вместо этого она считала шрамы на теле экипажа — каждый новый рубец был вехой в их общей истории. Считала новые зарубки на толстой причальной балке в своей каюте — по одной на каждый успешный рейд. Считала ящики с золотом в трюме, но их блеск уже не согревал душу, а лишь напоминал о песчинках в часах, неумолимо утекающих вниз.

«Призрачная Гончая» была и тюрьмой, и раем, её личным адом и её единственным спасением. Этот корабль знал её лучше, чем любая мать или любовник. Он знал, как она ворочалась по ночам в своей подвесной койке, когда призраки украденного сокровища и тени прошлого являлись ей в кошмарах, беззвучно шепча на языке древних рун. Знавал весёлый, неистовый топот её сапог по трапу, когда она, с клинком наголо, вела команду на абордаж очередного неудачливого купца. И он молча скрипел шпангоутами, словно утешая её,

когда всё затихало, и она оставалась одна под скупым светом луны.

Элира стояла на шканцах, крепко опираясь на полированную рукоять штурвала, чувствуя под ладонью шероховатость старого дерева. В воздухе, густом от соленых брызг, висела предгрозовая напряжённость, хотя небо было ясным и безоблачным. На палубе царило необычное для утра затишье, нарушаемое лишь всплесками волн о борт. Команда, обычно шумная и непоседливая, как разворошенный муравейник, перешёптывалась, бросая на капитана быстрые, полные непонятной тревоги взгляды. Они чувствовали что-то. Чуяли беду, как акулы чуют кровь в воде.

К Элире, тяжело ступая по доскам палубы, подошёл Гора. Он не глядел на неё, уставившись на тонкую, как лезвие ножа, линию горизонта.

— Говорят, ты ночью кричала, Капитан, — его голос был низким и глухим, словно доносящимся из трюма.

— Приснилось, что я нанялась в королевский балет, — отрезала Элира, сжимая рукоять штурвала так, что костяшки её пальцев побелели. — Ужас, да? Все эти пачки и пируэты.

Гора промолчал, и его молчание было красноречивее любых слов. Он знал, что это ложь. Всё чаще по ночам её тело сковывала невидимая ледяная хватка, вырывая из горла почти беззвучные, но оттого не менее страшные крики. Проклятие потихоньку просыпалось, растягиваясь и шевелясь,

напоминая о неотвратимом финале.

— Мы достигнем архипелага Туманных Клыков к вечеру, — сменил он тему, указывая своим квадратным подбородком вперед. — Согласно слухам, которые я слышал в той таверне, там на мель села и затонула галера «Слеза Королевы» с грузом орихалковых слитков.

— Орихалк? — Элира фыркнула, но в её глазах, цвета грозового неба, вспыхнул знакомый, почти угасший азарт. — Сказки и мифы для старых дев у камина. Наверняка там только ржавые ядра, да кости, обглоданные рыбами.

— Возможно, — не стал спорить Гора. — Но мы можем проверить. Это лучше, чем ничего.

Именно тогда к ним, путаясь в собственных ногах, подскочил юнга по кличке Чиж — маленький, вертлявый паренёк с парой выпавших в первой же драке зубов, которого Элира несколько лет назад подобрала замерзающим в портовой канаве. Он нервно теребил в руках потрёпанный, испещренный каракулями клочок пергамента.

— Капитан! Капитан, я слышал… я в прошлом порту, когда за провизией ходил, слышал, болтали об одном человеке! — его голос срывался от волнения, становясь тонким и писклявым.

Элира медленно, с некоторой театральностью, повернулась к нему, подняв одну насмешливую бровь.

— Если это опять тот старый слепой торговец, что обещал тебе попугая, который болтает на семи языках, то он тебя

снова надул, пацан. Тот попугай, я проверяла, знал только два слова, и оба были красноречивым комментарием о состоянии его пищеварения.

Чиж замотал головой, с силой протягивая пергамент прямо перед носом капитана. Это была не карта сокровищ, а пожелтевшая страница, явно вырванная из корабельного журнала какого-то сумасбродного учёного или целителя-шарлатана.

— Нет! Смотрите! Здесь, вот здесь, написано о проклятиях! О древних проклятиях, наложенных Морскими Тенями! И что есть… есть способы их снять! Настоящие!

Тишина на палубе стала абсолютной, гнетущей. Даже вечный скрип снастей будто стих. Все матросы замерли, притворяясь, что заняты своими делами — кто вязкой узла, кто чисткой мушкета, — но все уши, отточенные годами на подслушивании, были напряжённо навострены в сторону шканцев.

Элира взяла листок своими длинными, покрытыми мелкими шрамами пальцами. На нём были изображены сложные, закрученные в спирали символы, до боли похожие на те, что украшали роковую шкатулку, и поток пафосного, напыщенного текста о «жертвенной любви», «очищении души» и «отречении от всего мирского». Она медленно, с преувеличенным, леденящим душу спокойствием, поднесла листок к трепетавшему фитилю ближайшего зажжённого фонаря.

Бумага вспыхнула яростным желтым пламенем и сгоре-

ла за считанные секунды, осыпавшись с её пальцев чёрным, горьким пеплом.

— Вот и весь твой «способ», — равнодушно, почти лениво произнесла Элира, сдувая пепел с кончиков пальцев. — Слушай все! — её голос, закалённый в штормах и битвах, прорвал гнетущую тишину, стальной и насмешливый. — Если я ещё раз услышу от кого-то бредни о целителях, магах или «спасении души», тот отправится чистить гальюн до блеска самой мелкой зубной щёткой! До конца рейса! Понятно?

Экипаж дружно, как один человек, закивал, поспешно возвращаясь к работе с удвоенной энергией. Чиж стоял, не в силах сдвинуться с места, с покрасневшими глазами, глядя на тёмное пятно пепла на палубе.

Элира резко отвернулась от него и снова уставилась на бесконечное, равнодушное море. Она чувствовала на себе тяжёлый, как свинцовый слиток, взгляд Горы. Она знала, что он думает. Он думал, что она боится. Что её дьявольская гордыня сильнее самого базового инстинкта самосохранения.

Но он не понимал главного. Она не боялась смерти. Она давно смирилась с её холодным дыханием на своей шее. Она боялась надежды.

Надежда — вот что было самым коварным и жестоким пиратским проклятием. Она заставляла верить в счастливый конец, заставляла метаться по свету в поисках лазейки, предавая тем самым саму себя и тот путь, который она выбрала.

Она уже сделала свой выбор. Фактически, она сделала его давно. Она выбрала их. Весь этот вонючий, весёлый, жестокий, преданный ей до последней капли крови экипаж. Она отдала им своё сердце — свою ярость, свою заботу, свою жизнь. По кусочкам, каждый день, все эти годы. И не требовала ничего взамен, кроме их верности. Разве этого было недостаточно? Похоже, что для безжалостной, прямолинейной магии древних — нет.

«Хорошо, — прошептала она про себя, не сводя глаз с приближающихся на горизонте, подобных гнилым зубам великана, тёмных скал архипелага Туманных Клыков. — Если мне остался всего год, то я потрачу его так, как хочу. На золото, на ром, на битвы и на этот скрипучий снастями корабль. А вы, древние тени, можете идти ко дну».

И, оттолкнувшись от штурвала, она крикнула в уже набравший силу ветер, завывавший в такелаже похлеще любой душеньки:

— Полный вперёд на всех парусах! К Туманным Клыкам! И пусть само дно морское треснет от нашей жадности!

И в ответ ей грянуло такое громовое, единодушное «АЙ!», что, казалось, самые небесные тучи над ними дрогнули, отступая перед этой людской яростью. Это был её выбор. Её проклятие. И её экипаж. До самого горького конца.

Глава 3. Танец на краю пропасти

До конца оставалось девять месяцев. Проклятие, до этого дремавшее где-то в глубине её существа, словно морской зверь в тёплых, тёмных придонных течениях, начало шевелиться. Оно потягивалось, просыпаясь, и его первое движение было подобно ледяной игле, вонзившейся прямо под ребро.

Первым это почувствовал Гора. Его испытующий взгляд, привыкший замечать малейшую дрожь в парусах или сомнение в глазах врага, уловил неладное. Он увидел, как Элира, обычно невесомая и стремительная на канатах, словно морская ласточка, спускаясь с грот-мачты после осмотра реи, на миг замерла, судорожно вцепившись в верёвку. Её лицо, залитое утренним солнцем, исказила быстрая, как вспышка молнии в ясном небе, гримаса боли. Она тут же оттолкнулась, сделав вид, что просто поскользнулась, и спрыгнула на палубу с привычной бравадой, отряхивая ладони. Но он-то знал — это прыжок был через силу, неестественной попыткой переломить нарастающую слабость.

Потом это заметили и другие, хоть и не решались говорить вслух. Капитан «Буря» стала ещё безрассуднее в бою. Она бросалась в самую гущу схватки, подставляясь под удары, которые раньше парировала с насмешливой легкостью, словно пытаясь доказать себе и всем остальным, что её те-

ло всё ещё послушно, её реакции остры, а сила не иссякла. Она пила больше, но ром, кажется, больше не грел, а лишь раскалял внутренний холод. Она смеялась громче, но в её знаменитом, заразительном смехе появились резкие, хриплые ноты. Её азарт стал лихорадочным, почти отчаянным, а в улыбке, оскалившейся над стопкой костей для игры, теперь читался настоящий, животный оскал.

Однажды ночью Элира проснулась от того, что не могла дышать. Не кошмар вырвал её из сна, а физическое ощущение — вокруг её сердца сжался невидимый ледяной обруч, выжимая из него жизнь, сковывая легкие. Она лежала на спине в липком, холодном поту, уставившись в потолок каюты, и слушала, как её собственное сердце бьётся неровно и прерывисто, словно повреждённый барабан на тонущем корабле. Она сжала кулаки так, что ногти впились в загрубевшие ладони, оставляя красные полумесяцы, и ждала, пока боль в груди не отступит, сменившись знакомой, почти уютной, острой болью от самодельных ран.

Утром она вышла на палубу, бледная, с синевой под глазами, но с лихорадочно горящими глазами, в которых плескалась неукротимая ярость.

— Эй, уроды! — прохрипела она, перекрывая утренний гомон, и команда замерла, почуяв нечто новое, металлическое и опасное в её голосе. — Мне до смерти наскучило охотиться на этих жирных, дрожащих купцов! Их слёзы стали пресными, как болотная вода! Говорят, в Морях Пепла по-

явился новый зверь — «Призрак», корабль охотников за головами, который топит пиратов не ради добычи, а для забавы. Его капитан, какой-то графский выкормыш по имени лорд Кэлен, поклялся повесить мой вымпел у себя в камине, как трофей!

Она обвела взглядом команду, выдерживая паузу, позволяя ярости накипеть и забродить.

— Я предлагаю найти этого щенка. Найти и показать, как настоящие волки танцуют на костях тех, кто смеет поднимать на нас руку!

Экипаж взревел от восторга, вскидывая в воздух абордажные крюки и сабли. Новая цель, новая, смертельная опасность — именно то, что было нужно, чтобы заглушить внутренний гул надвигающейся беды, чтобы забыть о странной дрожи в руках капитана.

Только Сирин, штурман и бывшая колдунья, чьи знания простирались дальше морских карт, подошла к Элире, когда та в одиночестве склонилась над столом с картами в своей каюте.

— Капитан, «Призрак» — не просто страшилка для матросов, — тихо начала она. — Это быстроходный, как мысль, фрегат с двумя десятками дальнобойных пушек. Его капитан, лорд Кэлен, — не аристократ-неудачник, ищущий приключений. Он фанатик. Он изучает древние ритуалы и коллекционирует… артефакты. Особенно те, что несут на себе печать проклятий.

Элира медленно подняла на неё взгляд. В её глазах не было ни удивления, ни страха, лишь плоская, холодная стена отрицания.

— И что? Ты предлагаешь спрятаться в первой же тихой бухте и лизать свои раны, пока он не найдет нас сам?

— Я предлагаю осторожность, — твёрдо сказала Сирин, не отводя взгляда. — Он может быть опаснее, чем кажется. Он может знать то, чего не знаем мы. Может, он знает нечто о… твоём состоянии.

— Я знаю всё, что мне нужно знать, — отрезала Элира, резко отворачиваясь к карте, будто желая разрезать её взглядом. — Я знаю, что он — цель. А всё остальное — дым, который рассеется от первого же залпа наших пушек.

Сирин хотела что-то сказать ещё, привести доводы, но её взгляд упал на пальцы Элиры, водящие по предполагаемому маршруту «Призрака». Длинные, сильные пальцы, обычно такие уверенные, сейчас слегка дрожали, сминая край пергамента. Она поняла, что капитан не просто не слушает — она отчаянно отгораживается от последней, слабой надежды. Сирин молча отступила, оставив капитана наедине с её демонами и упрямством.

Вечером Чиж, весь напружинившись от желания помочь, пробрался в каюту и, запинаясь, протянул Элире свою находку — старую, истёртую до гладкости серебряную монету с изображением плачущей девы.

— Это на удачу, капитан, — прошептал он, глядя на неё

с обожанием, смешанным со страхом. — Мне её один старый рыбак отдал. Говорят, её носили моряки, которые чудом спаслись из самого сердца бушующего шторма.

Элира взяла монету. Она была тёплой и влажной от его долго зажатой в кулаке ладони. На секунду, короткую, как вздох, её захлестнула волна такой щемящей нежности, что перехватило дыхание. Ей захотелось прижать этого глупого, верного мальчишку к себе, почувствовать это хрупкое, глупое, живое тепло, принять эту дурацкую надежду. Но вместо этого её пальцы сомкнулись вокруг монеты, и она с силой швырнула её в открытый иллюминатор, в темнеющую воду.

— Удачи не существует, пацан, — сказала она, и её голос прозвучал непривычно устало и почти беззлобно, лишь с бесконечной опустошённостью. — Есть только ты, твой корабль и твоя воля. Не верь ни во что другое. Это тебя убьёт.

Чиж смотрел на неё не отрываясь, с таким потрясённым и безмолвным горем, что у Элиры сжалось сердце — на этот раз не от проклятия, а от чего-то более острого и человеческого. Она резко развернулась и, не сказав больше ни слова, ушла вглубь каюты, захлопнув за собой дверь в крошечную спальню.

Там, в полном одиночестве, при свете одной-единственной коптилки, она достала из потайного отделения ту самую чёрную шкатулку. Руны на её поверхности, обычно тусклые и безжизненные, теперь слабо, но заметно пульсировали тусклым багровым светом, словно в такт её неверному, спо-

тыкающемуся сердцу. Она прикоснулась к шершавому дереву, и его ледяной, не природный холод обжёг пальцы, словно раскалённое железо.

— Понимаешь? — прошептала она шкатулке, а по сути — тому, что сидело внутри неё самой. — Я не ищу лёгких путей. Я не буду, как послушная овечка, бегать за призрачной любовью или искуплением. Моя жизнь — это «Гончая» и мой экипаж. Я уже всё отдала. И если уж умирать, то сделав их имена легендой, о которой будут шептаться в портах даже после того, как твоя тьма поглотит меня целиком.

Она ждала ответа — насмешки, гнева, чего угодно. Но была лишь тишина, нарушаемая тихим скрипом корпуса корабля, идущего на всех парусах, и отдалённым, приглушённым смехом матросов на палубе. Её жертва, её отданное по кусочкам сердце, казалось, никто не замечал и не оценил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.